

Feruzha I. Ikramkhanova,
PhD, department head;

Nargiza T. Alimkulova,
Assistant;

Nihola Sh. Hamrakulova,
Assistant;
Tashkent Institute of Textile and Light Industry

Psycholinguistic and It's Interrelation with Other Sciences

Key words: *psycholinguistics, abstract, abstractness, interrelation.*

Annotation: *In this article we were revealed the problem of psycholinguistic subject in its modern condition and perspective.*

Прежде чем говорить об отношении психолингвистики к другим наукам, необходимо уточнить некоторые методологические вопросы, связанные с предметом и процессом научного исследования. Речь идет, прежде всего, о самом понятии объекта науки, понятии, выносимом обычно за рамки логики науки или сводимом к «индивидуальным объектам», как это сделано в сборнике «Логика научного исследования».

Часто говорят, что ряд наук (языкознание, физиология и психология речи, патология речи и мышления, логика и поэтика) имеют один и тот же объект. Однако процесс научной абстракции протекает во всех этих науках по-разному, в результате чего мы строим внутри теоретической системы каждой науки различные абстрактные объекты. Абстрактные объекты это «средства для характеристики объективно-реальных индивидуальных процессов (событий, явлений) описываемой области», а более строго абстрактная система объектов понимается как «все множество возможных (моделирующих) интерпретаций» ,объединяющее логические модели(не логические исчисления). Таким образом, наряду с индивидуальными процессами или объектами мы получаем построенные под определенным углом зрения модели, обобщаемые понятием абстрактной системы объектов.

Возникает проблема соотношения конкретного (индивидуального) и абстрактного объекта. Конкретный объект является представителем абстрактного объекта; абстрактный объект, с другой стороны, есть то, над чем считаются данными и осуществляемыми элементарные логические действия.

Совокупность конкретных объектов научного исследования – это и есть объект данной науки. Абстрактная система объектов или совокупность (система) абстрактных объектов образует предмет данной науки.

Анализируя совокупность мыслительно-речевых актов, лингвист выделяет в них-то общее, что есть в организации всякой речи любого человека в любой ситуации, отыскивает те средства, без которых вообще невозможно охарактеризовать внутреннее

строение речевого потока. Сейчас лингвистика вступила в период систематизации и даже несколько увлеклась поисками системности, нередко перенося результаты, полученные на одном материале (скажем, при анализе звуковой стороны речи), на другой, не поддающийся такой непосредственной интерпретации (скажем, на семантику). Во всяком случае, понятие системы языка заняло в лингвистике прочное и окончательное место. Можно без дальнейших оговорок сказать, что предметом лингвистической науки является сейчас, прежде всего именно система языка.

Из сказанного ясно видно, что предмет науки есть категория, исторически развивающаяся. Иными словами, один и тот же объект одной и той же науки может быть интерпретирован ею по-разному на различных исторических этапах ее развития. Следовательно, конфигурация предмета науки зависит не только от свойств объекта, но и от точки зрения науки в данный момент. А эта точка зрения, в свою очередь, определяется, с одной стороны, тем путем, который данная наука прошла, а с другой - теми конкретными задачами, которые стоят перед наукой в данный момент.

Как уже отмечалось, предмет науки есть обобщение множества возможных моделей конкретной предметной области.

Модель определяется в современной логике науки как «такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об этом объекте».

Возможно множество несовпадающих моделей интересующего нас объекта, определенного (пока!) как совокупность речевых актов (глобальная «речь»). Ни одна из них не является полной, не исчерпывает объекта. Исчерпывающее описание его (а логическая модель-это и есть в общем случае всякое достаточно правильное, т.е. удовлетворяющее определенным требованиям к адекватности, описание объекта) невозможно и не нужно. В модели мы каждый раз вычленим некоторые черты объекта, оставляя другие вне своего рассмотрения; однако все правильные модели данного объекта, образующие абстрактную систему объектов (систему абстрактных объектов), обладают инвариантными характеристиками, остающимися неизменными при переходе от одной модели к другой.

Внутри нашего объекта не даны в отдельности, как нечто уже сформированное, заданное, те его онтологические характеристики, которые можно было бы объединить в понятие языка, точно так же как нам не даны как нечто заданное и характеристики, соответствующие понятию речи или любому другому аналогичному понятию. Разграничение языка и речи не лежит исключительно в этих онтологических, сущностных характеристиках объекта; как само оно, так и критерий или критерии, положенные в основу такого разграничения, исторически обусловлены развитием лингвистики и другой заинтересованной в таком разграничении науки-психологии, а также внутренними особенностями этих и других наук, изучающих речь (в широком, глобальном смысле). Осознав не абсолютный, «субстанционный», а относительный, связанный с особенностями научного исследования характер этих и аналогичных категорий (к сожалению, до сих пор часты попытки приписать противопоставлению «язык речь» некую априорную заданность. Стопроцентную детерминацию сущностными характеристиками объекта), мы можем поставить вопрос о том, какая

система категорий при изучении речи (в глобальном смысле) оказывается наиболее удобной и перспективной с точки зрения каждый из наук, объектом которых она является, т.е.с точки зрения задач, определяющих специфику моделирования в каждой из эти наук.

С точки зрения лингвиста особенно важным является противопоставление языка как абстрактной системы содержащейся в любом речевом высказывании и образующей, так сказать, инвариант речи, и языка как процесса, как употребления. В основе этого разграничения лежат в большинстве случаев два критерия, со времен «Курса общей лингвистики» Ф.де Соссюра (1916) сближаемые вплоть до отождествления: критерий социальности (социальное vs. индивидуальное) и критерий реальности (виртуальное или потенциальное vs. реальное). Такой подход не является, однако, строгим. У самого же де Соссюра в его лекционных курсах, читанных в Женевском университете (особенно в так называемых втором и третьем курсах) оба критерия выступают независимо, в результате чего он получает следующую систему понятий: С точки зрения психолога главной оппозицией является противопоставление механизма и процесса: ср. «устройство», скажем, глаза и процесс зрения. Но, с другой стороны психолог постоянно имеет дело с усвоением каждым человеком некоторых заданных ему обществом знаний и умений, с переходом этих знаний и умений из предметной формы в форму деятельности. Поэтому для него не менее важно и различие языка как абстрактной системы (языка в предметной форме) и языка как процесса, т.е. речи (в узком смысле).

Заметим, что и с точки зрения логики определяющим является система трех категорий в моделировании объекта: язык как способность, язык как предмет, язык как процесс. Соответственно модели «глобальной речи» целесообразно строить в трех планах, различая модель собственного языка (языкового стандарта), модель речи в узком смысле (языкового процесса) и модель речевого механизма(языковой способности). Но, независимо от того, принимать или нет такое трехчленное деление, что логически неправомерно проецировать результаты нашего познания «глобальной речи» на одну плоскость, как бы не аргументировали это (а в особенности- если мы аргументируем только сущностными характеристиками объекта).

Правда, в некоторых случаях для тех или иных специальных, особенно прикладных целей мы не только можем, но и должны игнорировать глобальность речи. Однако если наше моделирование имеет не прикладную, а, так сказать, теоретическую цель, т.е. если мы ставим себе задачей дать максимально полное, максимально полное, максимально многостороннее, максимально правильное описание объекта, то «изоляционистские» тенденции могут только помешать в исполнении этой задачи.

Из наук, изучающих речевую деятельность, ближе всего стоит к нарисованному идеалу теории речевой деятельности именно психолингвистика. Она как раз обладает или, по крайней мере, ставит себе ближайшей задачей обладать системой понятий, наиболее подходящей для комплексного исследования речевой деятельности. Ее взгляд на речевую деятельность наиболее широк. (Это относится, не ко всякой психолингвистике, а к тем ее направлениям, которые в основу своей концепции кладут достаточно глубоко понимаемую психологическую теорию.) И здесь

мы приходим к другому по сравнению с данным выше определением предмета психолингвистики: предметом психолингвистики является речевая деятельность как целое и закономерности ее комплексного моделирования.

Если из первого определения психолингвистика так сказать, уже выросла, оно дано как констатация уже сложившегося положения и для реальных концепций развития психолингвистики несколько узко, то второе определение дано, с некоторым запасом «на рост». Впрочем, такое определение на рост вполне обычно. Можем ли мы утверждать что лингвистика – это полностью сложившаяся и полностью знающая свой предмет наука о языке? Всем известно, какое количество белых пятен в ней остается до сих пор, как много даже о языке «в себе и для себя» мы пока не знаем.

Если, однако, принять такое определение психолингвистике, то возникает следующий вопрос. Допустим, что психолингвистика, действительно оказывается отраслью, частным случаем психологии. Какое место занимает в этом случае лингвистика? Ведь если ее предмет образует в известном смысле часть предмета психолингвистики, то оказывается, что лингвистика как бы подчинена психолингвистике, и тем более психологии.

Если психолингвистика вносит что то новое, то, во первых в конкретную номенклатуру методов, в систему технических приёмов эксперимента, как правило заимствуемых из богатого арсенала психологии (хотя существуют методы и собственно психолингвистические, например осгудовская методика «семантического дифференциала»); во-вторых, в ней эти методы занимают гораздо более значительное место, ибо если модель можно в принципе построить почти без опоры на эксперимент, почти чисто дедуктивно, то дедуктивная модель речевой деятельности есть нонсенс.

В этой статье мы дали краткую характеристику проблеме предмета психолингвистики в её современном состоянии и в перспективе.

References:

1. *Dzhusupov NM. Cognitive aspect of research character in a literary text: Author. Dis. Philology. Sciences. Tashkent, NUUZ, 2006; 26.*
2. *Elizarova GV. Culture and language teaching. St. Petesburg, Caro, 2005; 352.*
3. *Maslova VA. Cultural linguistics: Textbook. 3rd ed. Moscow, Academy, 2007; 208.*
4. *Maslova VA. Homo Lingualis culture: Monograph. Moscow, Gnosis, 2007; 320.*
5. *Mahkamova GT. Concept formation of intercultural competence students of the English language. Fan, Tashkent, 2010; 208.*
6. *Intercultural Communication and problems of national identity: Collection of scientific papers. Ed. LI. Grishaeva, TG. Strukova. Voronezh, VSU, 2002; 648.*
7. *Passow El. Communicative method of teaching speaking. Moscow, Education, 1991; 224.*
8. *Passow El. Basics of communicative teaching methods foreign language communication. Moscow, Russian, 1989; 276.*
9. *Passov El, Kibireva LV, Kollarova E. The concept of communicative foreign language aducation (theory and Implementation): Toolkit for Russian specialists. Saint-Petersburg, Zlatoust, 2007; 200.*